

**«СРЕДИННАЯ ЕВРОПА»:
ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕМ ДУНАЙСКОЙ МОНАРХИИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914–1915)**

Начало Первой мировой войны придало острую актуальность проблеме создания «Срединной Европы» – объединения государств и народов, ядром которого должен был стать союз Германии и Австро-Венгрии. В статье анализируется отношение представителей государственных властей, национальных элит и политических движений дуалистической монархии к идее «Срединной Европы». Сделан вывод, что, несмотря на популярность этой идеи в различных общественно-политических кругах, преобладающим оказалось настороженное отношение к ней, обусловленное династическими, национальными, экономическими и прочими интересами.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Германия, Первая мировая война, «Срединная Европа», Немецкий национальный союз, Д. Андраши, Г. Гросс, Й. Тиса, Г. Фридьюн, Б. Шмерал, Г. Штюргк.

Военно-политический союз между двумя центрально-европейскими континентальными империями – Германией и Австро-Венгрией представлял собой специфическую конструкцию. Ни одна из сторон в действительности никогда не подвергала сомнению то, что он являлся базовым элементом внешней политики обоих государств. В годы, предшествующие Великой войне, его значение существенно выросло ввиду усиливавшейся угрозы изоляции центральных держав. Первоначально открытый широкий союз перерос в отношения тесной взаимной зависимости, которым, как казалось, не существовало реальной альтернативы. Это относилось, прежде всего, к Дунайской монархии, где ориентация на великого северного соседа составляла существенный элемент внутренней политики. Одновременно к началу нового XX столетия из-за «возрождения общегерманских настроений» союз пользовался поддержкой в самых широких слоях немецкого населения обеих империй и стал, таким образом, «чрезвычайно популярной идеей» [Mommson, 1991, S. 209].

В Австро-Венгрии требование расширения и углубления межсоюзнических отношений постоянно присутствовало в программных документах партий немецких националистов. Однако оно не выходило за рамки декларативных заявлений о намерениях, за которыми не стояло ни решительной политической воли, ни фундаментальных экономических интересов. Задача создания политико-экономического союза не стояла на повестке дня ни в Берлине, ни в Вене. Попытка канцлера Л. Фон Каприви теснее связать государства Центральной Европы в торговом и политическом отношении не привела к коренному пересмотру отношения к Дунайской монархии [см.: Weitowitz]. Во все последующие предвоенные годы подобные концепции не находили должного отклика в германских правящих кругах. Так, в январе 1914 г., когда государственный секретарь имперского ведомства внутренних дел К. фон Дельбрюк, выступая перед депутатами германского рейхстага, заявлял, что германская внешняя торговля и впредь целиком будет ориентирована на либеральные принципы мировой торговли, он не встретил никаких серьезных возражений [Verhandlungen des Reichstags, S. 6641–6647]. Подобным же образом оценивали ситуацию и в Вене. Там выражали беспокойство по поводу слишком низких таможенных тарифов, не способных обеспечить должную защиту собственной промышленности перед лицом подавляющего экономического превосходства Германии.

Начавшаяся война коренным образом изменила ситуацию. Отныне старые размышления о необходимости поставить союзные отношения на более широкую основу получили значительную поддержку и приобрели первоочередное политическое значение. В связи с ростом великогерманского национализма, пропагандой «духа 1914 года» и «борьбы германцев против славянского нашествия» идея союза приобрела дополнительную идеологическую окраску и превратилась в открыто националистическую и шовинистическую концепцию с присущими ей безбрежными аннексионистскими требованиями [Mommsen, 1990, S. 87–105]. В условиях организованной Антантой блокады связь между экономическим потенциалом и военной мощью осознавалась Центральными державами все сильнее. Крепло также убеждение, что в будущем политика и экономика окажутся просто неразделимы. Совершенно логичным представлялось стремление укрепить, дополнить и расширить политический пакт экономическим союзом.

При этом идея «Срединной Европы» для обеих сторон оставалась лишь функцией далеко идущей стратегии. В Берлине ее стремились

использовать, прежде всего, для сохранения и укрепления собственной гегемонии среди соседей на континенте. Для Вены она служила средством преодоления межнациональных противоречий, конкретно говоря – сохранения традиционного преобладания немцев внутри империи. Тем самым активные дебаты о более тесном объединении «Срединной Европы» становились частью процесса поиска собственной идентичности немецкоговорящими этническими группами внутри империи Габсбургов. Они, таким образом, не являлись рефлексией на центрально-европейские амбиции германской империи. Наоборот, в Австро-Венгрии находился центр тяжести дискуссий, которые достигли своего апогея еще до того, как Ф. Науман опубликовал свою знаменитую книгу. Обсуждения и переговоры, посвященные фундаментальному экономическому и политическому объединению обеих империй, происходили в полном отрыве от его (Наумана) этически-либеральных коннотаций. Поэтому было бы неверно использовать их для анализа развития мировой войны. Тем не менее, они до сегодняшнего дня оказывают существенное влияние на понимание политического содержания понятия «Срединная Европа» [см.: Weimer].

Когда авторы обращаются к толкованию этого термина, они постоянно подчеркивают как его идеологическую, так и географическую многогранность и неоднозначность [см.: Meyer; Le Rider; Mommsen, 1995]. Действительно, он до сих пор не имеет четких границ ни в пространственном, ни в содержательном отношении. Как писал Э. Хобсбаум: «География, как кажется, способна придать словам “Срединная Европа” ясность и объективность, которыми они не обладают. Они принадлежат больше политике, чем науке о земле, программным заявлениям, а не реальности. Они обозначают не то, что есть, но то, что должно быть и потому создается искусственно» [Hobsbawm, S. 17]. Но даже чистая география до сих пор не может помочь [Partsch; Schultz, S. 248–281]. Термин может быть наполнен самым разнообразным содержанием в зависимости от идеологических и политических предпочтений, этим свойством определяются его интегрирующие функции и политическое значение. К тому же термину присуща некая таинственность, что превращает его чуть ли не в утопию. Понятие «Срединная Европа» отражает преимущественно представления о духовно-культурных принципах, которые содержат нечто большее, чем простое политическое и экономическое сближение государств и народов в центре континента. Еще в 1818 г. идеолог немецкого национализма, поэт-мистик и романтик Э. М. Арндт писал: «Бог поместил

нас в центре Европы; мы (немцы. – *Н. Б.*) – сердце нашей части света» [Arndt, S. 158].

«Срединная Европа» была, за редкими исключениями, сугубо немецкой идеей, почему сам термин и вошел без перевода в английский и французский языки. В середине XIX в. либеральный экономист Ф. Лист и министр торговли Австрии К. фон Брук выдвигали оригинальные идеи экономического объединения, во второй половине столетия федералист К. Франц и пангерманец П. Лагард выступали за укрепление политического единства на основе национальной исторической общности. Однако долгое время эти и подобные концепции занимали маргинальное положение. Ни один крупный политик Германии или Австро-Венгрии – стран, которые должны были явиться ядром Срединной Европы, не руководствовался ими в своих действиях. Только в условиях Первой мировой войны, когда государства Центрального блока столкнулись с комплексом общих военно-стратегических и экономических проблем, идея Срединной Европы приобрела актуальность для политической элиты и стала активно проникать в массовое сознание.

Центральным аспектом концепции «Срединной Европы» для Австро-Венгрии в период Первой мировой войны было сохранение традиционных отношений внутри империи, что не позволяет рассматривать ее только как часть военно-политической стратегии германской империи. Соответствующим образом дискуссии вокруг «Срединной Европы» в Австрии имели гораздо большее значение и занимали центральное положение в общественном сознании. Программа «Срединной Европы» была не просто одной из прочих военных целей, а центральным национально-политическим вопросом, при этом сначала не военной целью правительства, а только интересом немцев в многонациональном государстве. Углубление союза с Германской империей было для них средством к укреплению собственного преобладающего положения. То, что Австро-Венгрия очень скоро также должна была начать борьбу за отстаивание своих прав по отношению к союзнику, дополнительно осложняло ситуацию [см.: Shanafelt].

С началом войны З. Фрейд писал: «Однако впервые за 30 лет я ощущаю себя австрийцем и хотел бы попробовать это еще раз с этой начинающей подавать надежды империей. Настроение всюду отличное. Высвобождение мужественного действия и уверенная опора на Германию прибавляют также много» [цит. по: Rauchensteiner, S. 102]. Уже в этих строках просматривается то, что несколько позже Г. Бар назовет

«австрийским чудом»), а именно: перегруженная проблемами Австро-Венгерская монархия не распалась сразу под грузом большой войны, как того многие ожидали и опасались, а наоборот, поначалу усилилась в глазах всех социальных слоев и национальностей. Таким образом, война ни в коем случае не означала немедленного конца монархии, и старая империя могла вновь в значительной степени вызвать рост верноподданнических чувств.

Еще один важный для Австрии в условиях мировой войны аспект звучит в этой цитате: союз с Германской империей был среди немецкоязычных подданных старого императора популярным как никогда прежде. В то время как на уровне властей вскоре дело дошло до значительных трений, настроения общества в пользу верности союзу оставались в течение первых военных месяцев чрезвычайно высокими. Превосходство германских армий, их значительные успехи, особенно на Восточном фронте, и усиленное развитие немецкой военной экономики демонстрировали и союзника, и сам союз в самом ярком свете. Этот образ полной энергии Германской империи усиливал национализм австрийских немцев, которые выступали за максимальное увеличение военных усилий всех держав «четверного блока» по примеру Германии. Война велась, как казалась многим, о чем писала даже социал-демократическая *Arbeiterzeitung*, «за сохранение национального существования немецкого народа» [цит. по: Müller, S. 22]. Сообщения об особой доблести именно немецкоязычных воинских частей монархии вполне вписывались в эту картину. Национализм среди немцев развивался одновременно с укреплением их лояльности по отношению к многонациональному государству. При этом немецкоговорящая часть подданных дуалистической монархии считала сохранение немецкого характера государства необходимым условием его дальнейшего существования.

В начале войны для австрийских немцев, но ни в коем случае не для других национальностей империи, была характерна самоидентификация по принципу так называемой «двойной лояльности»: и по отношению к собственному государству, и по отношению к союзу центрально-европейских держав [Höbel, 1988, S. 164]. Их монархия билась за выживание на стороне могучей Германской империи. Лозунг борьбы германцев против славян имел широкое распространение. Даже немецкие националисты декларировали верность прежде ненавидимой ими габсбургской монархии. Й. Редлих отмечал по поводу победы при Танненберге, что «при всей радости по поводу этого нового свидетельства немецкой силы и героизма» у него «осталось

чувство сожаления, что он как немец не является подданным этого рейха» [Redlich, Bd. 1, S. 263].

Австрийские немцы в своем выраженном стремлении сохранить империю на фоне этнических конфликтов и противодействовать тенденции ее распада, в стремлении к достижению необходимых компромиссов с другими народами империи часто ставили свои национальные интересы в подчинение верноподданническим чувствам, в то время как другие национальности были готовы осуществлять собственные интересы за счет общества. Эти субъективные ощущения особой роли и значения немецкой национальности в Австрии использовались при создании планов преобразования политических отношений, чтобы, используя исключительную ситуацию войны, реформировать потрясаемую кризисами монархию с опорой на внешнюю силу. Решение ввязаться в «большую войну» было, в принципе, продуктом осознания сложившегося в государстве кризисного положения, которое воспринималось как непереносимое, а в условиях войны казалось возможным одним ударом разрубить гордые узел проблем. Как это должно было произойти конкретно, политическим деятелям того времени было большей частью совершенно неясно.

Существовало широкое согласие по поводу принципиального реформирования монархии, но вот соответствующие текущей ситуации программы едва ли имелись в наличии. Этот недостаток осознавался современниками, что и обусловило обширные бурные дискуссии о будущем Дунайской монархии и положении немцев в ней. Выраженное стремление немецко-австрийских элит к более тесному объединению с Германской империей ни в коем случае не было чем-то вроде бегства с тонущего корабля Габсбургов. Сближение с Германией должно было способствовать всестороннему укреплению монархии в сложившейся форме германо-венгерского преобладания и гарантировать ее дальнейшее существование как великой державы. Единственным возможным и реальным путем для этого казался только тесный политический и экономический союз. Спор о статусе чешского языка – основное поле открытых противоречий до 1914 г. – оказался на время войны под запретом, так как по опыту последних десятилетий никто, за исключением нескольких радикальных пангерманистов, не был заинтересован в открытом раздувании этнических конфликтов. Углубление союза двух центральных держав, казалось, могло обеспечить достижение поставленных целей без возникновения новых непреодолимых пропастей между национальностями. Чувство принадлежности к одной нации с общей историей, испытание союза тотальной войной

позволяли немецкоязычным австрийцам воспринимать опору на могущественного северного соседа как линию естественного развития.

Какой бы новой ни была ситуация, обусловленная войной, основы дискуссий составляли традиционные программные положения немецко-национальных партий по поводу сближения с Германией. Впервые они нашли очевидное выражение в пункте 19 т. н. Линцской программы 1882 г. с требованием «создания общей таможенной зоны». Тем не менее, тогда это был лишь один из пунктов в борьбе за национальные интересы, где доминировали вопросы регулирования положения языков и требования административной реформы. Великогерманская модель потеряла свое обаяние с основанием Германской империи Бисмарком. За исключением маленькой группы пангерманистов все группировки немецкоязычных австрийцев отказывались от объединения с Германией. Для обладавшей выраженным великодержавным сознанием немецко-австрийской буржуазии перспектива превращения в пограничную провинцию империи Гогенцоллернов была малопривлекательной. Укрепление связи с Германией должно было поддерживать немцев Австрии в их борьбе за сохранение преобладания и привилегий, однако, без ущерба сохранению целостности и достоинства империи, а также ее статуса независимой великой державы. В этом смысле Линцская программа отнюдь не была непатриотичной. Однако ее значение оставалось ограниченным, поскольку она так и не побудила к политической активности и, что сильнее всего отличает ситуацию 1882 г. от осени 1914 г., отражала взгляды радикального крыла немецкой национальной оппозиции, хотя в условиях войны те же немецкие националисты стали главной опорой правительства.

Только с началом войны вопрос о сближении стал действительно актуальным. Наряду с национально-политическими факторами к осознанию необходимости интенсификации союзнических отношений подталкивали новые, порой неожиданные обстоятельства: жесткая блокада со стороны Антанты, тотальный, всеохватный характер войны, широкая пропаганда борьбы за выживание всех немцев, позднее – полное экономическое истощение. Немецкий национальный союз первым в ходе войны стал пропагандировать сложившийся еще в довоенное время план создания Срединной Европы. Созданный для собирания всех немецких национальных сил накануне выборов 1907 г., он действительно сплотил весьма разнородные партии, кроме социал-демократов и христианских социалистов. В него вошли Немецкая народная партия, Немецкая прогрессистская партия, Немецкая радикальная партия, Немецкая аграрная партия и Немецкая

рабочая партия. Один из современников отмечал, что в национальном союзе «внутри одного парламентского круга пытались объединиться венские либералы, часто еврейского происхождения, и яростные немецко-богемские антисемиты, депутаты от крестьян с Альп и представители интересов крупной промышленности» [цит по: Höbelt, 1993, S. 248]. В ходе выборов 1911 г. национальный союз добился значительного успеха и создал самую многочисленную фракцию в австрийской палате представителей (105 депутатских мандатов из 514; если считать еще 83 социал-демократа и 73 христианских социалиста, то немецкие депутаты имели 45 % мест) [Uckar, S. 362].

В качестве единого органа национал-либеральных группировок национальный союз претендовал на представительство интересов всего немецкого населения империи. При этом он оставался объединением почтенных, уважаемых людей и оказался значительно слабее массовых партий, таких как социал-демократическая и социально-христианская. Кроме того, все время его существования было отмечено частыми расколами, объединениями и новообразованиями среди входивших в него партий, которые скорее оставались парламентскими клубами, чем собственно политическими партиями.

Дискуссия о перспективах объединения двух центрально-европейских империй была открыта уже 23 августа 1914 г. циркулярным письмом председателя национального союза Г. Гросса. В нем была предложена далеко идущая программа создания общего пространства. Союз с Германией должен был покоиться на конституционном фундаменте, немецкий язык должен был получить статус государственного на всей территории Австро-Венгрии, а движение к экономическому объединению мыслилось за счет создания таможенного парламента [Müller, S. 29]. На первый взгляд, инициатива Гросса находилась целиком в русле традиции Линцской программы. В действительности речь шла о принципиальных изменениях этих известных программных пунктов. Война придала проблеме совершенно новое качество, и выступление председателя национального союза вызвало оживленную реакцию.

Й. Доберниг и Р. Фрайслер, ключевые представители Немецкой народной партии, настаивали в своих ответах Гроссу на проведении в жизнь плана Срединной Европы с подлинно немецкой решительностью [Ibid.]. Уроженец Каринтии Доберниг надеялся, что сможет заручиться поддержкой со стороны венгров, так как без участия второй государственной нации такой проект казался ему неосуществимым. Его товарищ по партии из Чехии Фрайслер, напротив, настаи-

вал на Срединной Европе при условии отказа от системы дуального равноправия, что было равнозначно политическому объявлению войны венграм. К. Бойрле, председатель национального союза в Верхней Австрии, подготовил меморандум в пользу Срединной Европы в составе множества европейских государств, что в тех условиях можно было расценивать только как проект отдаленного будущего. Единство существовало в одном – стремлении искать контакт с другими политическими группами и влиятельными личностями, чтобы запустить процесс формирования общественного сознания в пользу Срединной Европы. Реакция на письмо Гросса демонстрирует, что идея Срединной Европы имела достаточно широкое распространение уже в начале войны. Очевидно также отсутствие единства мнений о форме «Срединной Европы» и оптимального пути к ней среди приверженцев этой идеи.

Циркуляр Гросса удивительным образом контрастировал со всей линией поведения автора в недалеком будущем. Вопреки положительной реакции на письмо он не предпринял никаких следующих шагов по развитию идеи, наоборот, даже противился попыткам продолжить ее обсуждение [Ibid., S. 30]. Гросс находился в доверительных отношениях с австрийским министром-президентом К. Штургом, который опасался, что продолжение подобной дискуссии может иметь взрывной эффект и грозит переходом остальных народов империи в жесткую оппозицию к немецкой части населения и к правительству, где немцы абсолютно преобладали. Хотя имеющиеся источники и не дают надежных доказательств, все же можно с определенной уверенностью предположить, что Гросс стремился заблокировать все следующие шаги с оглядкой на позицию австрийского правительства. Так, он отклонил предложения о созыве съезда национального союза и даже о собрании всех немецких депутатов имперского совета и пытался не допустить даже неформальных встреч для обсуждения вопроса о Срединной Европе. Гроссу удалось воспрепятствовать официальному продолжению спора, но он не смог удержать членов национального союза от того, чтобы они встречались в частном порядке. Так, Й. Бернрайтер по поводу действий Гросса писал: «Нужно делать дела с благоразумными элементами национального союза вопреки его правлению, которое в настоящее время руководить неспособно» [цит. по: Class, S. 324–326]. Неофициальные контакты как нельзя лучше соответствовали ситуации, они позволяли достигать согласия без оглядки на партийно-политические ограничения и противоречия. Свой вклад в развитие дискуссии внес председатель австрийской палаты депутатов

Ю. Вольф. В начале сентября 1914 г. была опубликована его статья, которая призывала руководство Германской империи и Дунайской монархии «создать более прочное политическое и экономическое единство, чем существовало до сих пор» [цит. по: Meuer, p. 128].

В пользу самого тесного единения с Германией громче всего выступали пангерманисты, но в Австро-Венгрии во время Первой мировой войны они играли лишь маргинальную роль. В рейхсрате они составляли менее 2 % от общего числа немецких депутатов и не имели сколько-нибудь заметного общественного влияния [см.: Schödl]. Некоторые из пангерманистов на индивидуальном уровне приняли активное участие в срединноевропейской дискуссии. К ним относились Э. Штайнакер, А. Риттер (основатель группы под названием «Союз Рейн-Дунай», был исключен из Пангерманского союза за то, что настаивал на сохранении правящей династии Габсбургов в объединенной империи) и особенно П. Самасса, который вместе со своим товарищем по партии К.-Г. Вольфом принадлежал к умеренному крылу движения и терпимо относился к Габсбургам [Ibid., S. 90]. Накануне войны внутри Пангерманского союза развернулась острая дискуссия по вопросу о включении старой Дунайской монархии в националистическую и экспансионистскую программу союза. Старому плану создания великогерманской империи противостояла программа, представленная группой, сложившейся вокруг председателя союза Г. Класса. Она исходила из признания необходимости сохранения габсбургской великой державы для обеспечения германского влияния в Европе.

Уже в 1895 г. Пангерманский союз потребовал создания подчиненного германским интересам единого экономического пространства в Центральной Европе, что должно было стать естественной частью германских претензий на мировое господство [Fischer, S. 29]. В программе союза 1914 г. заявлялось: «Наша экономика нуждается по сравнению с возникающими чужими огромными экономическими зонами в пространственном расширении, которое предоставляет возможность сохранять самостоятельность наряду с ними; поэтому мы стремимся к созданию среднеевропейского таможенного союза» [цит. по: Ibid., S. 647]. Это требование было сохранено и развито в программе военных целей пангерманистов, принятой в конце лета 1914 г. [Kluck, S. 71]. Программа была утверждена на заседании исполнительного комитета Пангерманского союза 28 августа 1914 г. и оформлена под названием «Меморандум о германской цели в войне» за подписью Г. Класса. Она нашла широкое распространение в политиче-

ских кругах Германской империи. В ней среди прочего говорилось: «То, что Срединная Европа... вместе с территориями, которые Германская империя и Австро-Венгрия приобретут в качестве военных трофеев, образует большое единое экономическое пространство, носится в воздухе как прямо-таки властное требование. К этому ядру присоединятся, если только центральные державы не будут пытаться оказывать давление, постепенно и с закономерной неизбежностью Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария. Если взять соседние территории и колонии этих государств, то возникнет сильная экономическая область, способная обеспечить сохранение и развитие своей экономической и политической независимости по сравнению с любым другим государством» [цит. по: Müller, S. 34]. Несмотря на эти пафосные и амбициозные заявления, в центре внимания пангерманистов находились аннексионистские требования, а Срединная Европа имела второстепенное значение [Meuer, p. 52].

Ввиду бездеятельности национального союза на короткое время центром дебатов стал основанный в 1908 г. «Немецкий клуб» в Вене [Rosar, S. 37]. Там 19 сентября 1914 г. состоялось собрание с участием представителей различных групп немецких националистов. Поводом стал доклад председателя Пангерманского союза Г. Класса. Представленная им программа из шести пунктов для Австро-Венгрии содержала далеко идущие шовинистические требования и вызвала оживленное обсуждение [Kluck, S. 113–115]. Общую поддержку встретил пятый пункт программы: таможенный и торговый союз с Германией. Сближение обеих центрально-европейских империй стало отныне центральной темой обширной дискуссии о реформе Австро-Венгрии. В первую очередь обсуждался вопрос о необходимости ориентировать империю Габсбургов на сохранение на длительный срок немецкой самобытности без необходимости серьезного вмешательства в сложное конституционное устройство двойной монархии. В течение следующих недель и месяцев появился целый вал «срединноевропейской» литературы в форме памфлетов и брошюр, а множество ученых с симпатией высказалось в пользу Срединной Европы [Rauchensteiner, S. 312].

Некоторые выдающиеся представители немецкой части населения, в основном депутаты рейхсрата, которые из-за роспуска парламента были лишены возможности прямого участия в государственной политике, стали играть ключевую роль в пропаганде срединноевропейской идеи. В первую очередь следует назвать этнического нем-

ца из Чехии Й. М. Бернрайтера, депутата австрийской палаты господ, короткое время на рубеже веков дважды занимавшего пост министра торговли. Он выступал за умеренную германскую руководящую роль на основе примирения между немцами и славянами [см.: Bachmann]. Активно участвуя в различных политических союзах, он ошутимо страдал от того, что был исключен из процесса принятия политических решений, «аутсайдер», как он сам себя называл, чьи попытки участия неизменно отклонялись правительственной стороной. Тем решительнее он был настроен приобрести и укрепить свое влияние действиями вне государственной администрации. Уже в июне 1914 г. в его доме произошла встреча политиков и экономистов по случаю намеченного к концу 1917 г. договора с Германской империей, где обсуждалась будущая внешнеторговая политика. Во встрече приняли участие представители австрийских немцев, которые в дальнейшем в условиях войны приняли активное участие в дебатах о судьбе Срединной Европы: высокопоставленный чиновник Министерства торговли, президент «Немецкого клуба» Р. Ридль и его коллега из Министерства финансов Ф. фон Виммер, депутаты австрийского парламента С. Лихт, О. Лехер, Р. Фрайслер, Й. Редлих, депутат, в конце 1916 г. ставший министром торговли К. Урбан, секретарь венской торговой палаты М. фон Тайенталь [Müller, S. 36–37]. Война, таким образом, лишь форсировала уже начавшуюся дискуссии и попытки формирования национально-либерального согласия среди немцев. Только так можно было надеяться на сохранение достаточно заметного политического влияния, которое представители элиты немецкоговорящей части имперских подданных считали постоянно уменьшающимся.

Значительное сопротивление проект политического и экономического объединения обеих центральных держав встретил в Венгрии, в первую очередь со стороны могущественного И. Тисы. Венгерский премьер-министр благодаря надежной поддержке в Транслейтании имел практически неуязвимые властные позиции. В дальнейшем существовании Австро-Венгрии как самостоятельной великой державы он видел основное условие сохранения влияния Венгрии [Bridge, S. 358]. Одновременно Тиса был основным противником преобладания Германской империи, которое угрожало великодержавному положению империи Габсбургов и задевало национальную гордость венгров. Он решительно отклонял любое вмешательство влиятельного соседа во внутренние дела дуалистической монархии. Столь же негативными были его суждения о планах Срединной Европы. В письме к известному государственному деятелю Венгрии И. фон Буриану он характери-

зовал их как «близорукие, непатриотичные и вредные для интересов монархии» [цит. по: Müller, S. 102].

Тиса стремился противоборствовать нарастающей эйфории по поводу Срединной Европы также в рамках своей официальной правительственной деятельности. В апреле 1915 г. он писал ведущему политику либерального немецкого лагеря Э. фон Плenerу: «Если я погружаюсь в тяжкие раздумья по поводу обсуждения прямо затрагивающих наше отношение к Германии экономических вопросов, то считаю полезным в наших общих интересах обращаться за советом не только к правительственным кругам, но и к тем людям, которые не имеют официального положения, но имеют вес и пользуются уважением в вопросах экономики. Венгерское правительство сожалеет, что все это мероприятие теперь пущено на самотек, следовательно, не в состоянии принимать участие в этих переговорах посредством своих официальных органов и рекомендовало бы также проявлять в отношении экономического союза как можно большую осторожность и сдержанность» [цит. по: Ibid.]. Бернрайтер по этому поводу заметил в своем дневнике, что возмущен таким «вмешательством в австрийские дела» со стороны главы правительства Венгрии [Ibid.].

Тиса смог при помощи жесткой цензуры последовательно подавить зачатки дискуссии о Срединной Европе в венгерской прессе. Ему в значительной степени удалось пресечь общественное обсуждение срединноевропейских перспектив в венгерской части двуединой монархии. Тем не менее, в политическом ландшафте Венгрии было немало случаев проявления симпатии к идее Срединной Европы. К ней благосклонно относилась часть венгерских социал-демократов, поскольку они рассматривали ее как шаг на пути модернизации страны. В частности, в этом духе высказывался выдающийся левый интеллектуал Э. Сабо [Díószegi, S. 65]. Планы Срединной Европы вызывали определенный интерес со стороны представителей национальных движений Венгрии [Kann, S. 144]. Принципиально против любой формы сближения выступала собственно только отколовшаяся летом 1916 г. от партии Тисы группа М. Каройи [Rauchensteiner, S. 385].

Самым решительным сторонником Срединной Европы в Венгрии был лидер оппозиции Д. Андраши, отец которого вместе с Бисмарком работал над созданием Тройственного союза. Андраши постоянно и решительно высказывался как в прессе, так и в публичных политических выступлениях за срединноевропейское единство [Andrassy, S. 160]. Вместе с бывшим венгерским министром образования графом А. Апоньи он считал, что реализация этого проекта станет га-

рантией политического влияния Венгрии при сохранении ее суверенитета. Исходя из того что «мы больше не великая держава и должны опереться на Германию», Андраши выступал за решение этого вопроса еще в ходе войны, «пока Германия еще в нас нуждается» [Ibid., S. 174]. Й. Сечени, министр торговли Венгрии в 1918 г., высказывался в пользу системы таможенных преференций исходя из политических и экономических интересов [см.: Sztérényi]. Он также надеялся, что Срединная Европа будет способствовать усилению позиций Венгрии в полную противоположность тому, что звучало с австрийской стороны. По его мнению, военная конвенция должна была дополнить таможенный союз. Однако он с большим сомнением относился к возможности практической реализации всей этой концепции.

Венгры постоянно демонстративно подчеркивали собственную самостоятельность и стремились использовать каждый новый компромисс между двумя частями империи для расширения своего суверенитета. Идея Срединной Европы противоречила такому стремлению в принципе. Венгрия юридически считалась независимой таможенной территорией. Многие представители интересов венгерских предпринимательских кругов увязывали согласие на создание австро-германского экономического союза с требованием промежуточной таможенной границы на Лейте, чтобы защитить молодую венгерскую промышленность и одновременно укрепить венгерскую самостоятельность. Союз венгерских фабричных промышленников выдвинул соответствующее требование на заседании в мае 1915 г. [Müller, S. 105]. Президент союза Г. Грац, позднее занимавший ведущие позиции на переговорах с Германией, последовательно защищал интересы венгерских производителей. Поскольку австрийская индустрия в значительной степени зависела от бесперебойных поставок своих товаров в Венгрию, то таможенная граница могла свести на нет возможные преимущества средневропейского экономического союза.

Венгерское сельское хозяйство могло бы ожидать преимуществ от экономического союза, но и без того находилось в весьма благоприятной ситуации. Цислейтания поглощала почти всю предназначенную к вывозу венгерскую сельскохозяйственную продукцию, к любым переменам венгерские аграрии относились недоверчиво. Общий центрально-европейский рынок мог способствовать росту сбыта и производства, но одновременно потребовал бы нежеланных структурных изменений, а включение в него Балкан угрожало снижением цен. Перспектива Срединной Европы вызывала сомнения также из-за заботы о состоянии венгерской индустрии, общее благополучие кото-

рой для сельского хозяйства было важнее, чем возможные льготные экспортные условия.

С началом войны постоянно росло число специальных меморандумов, резолюций и заявлений о Срединной Европе. Один из многих примеров – это «Директивы для будущего» немецких народных советов Нижней Штирии, Каринтии, Крайны и Приморья, руководитель которых Й. Доберниг сам был членом группы Марше-Бернрайтера. Представители народных советов требовали «во всех смыслах оформить отношения между Австро-Венгерской монархией и Германской империей». Средства к этому они видели в договоре о «защите и отпоре», «экономическом сообществе и таможенной общности» и «общей восточной и колониальной политике» [цит. по: *Ibid.*, S. 108]. При существенных различиях представлений о конкретных условиях оформления союза, единым был призыв к официальным инстанциям, национальному союзу и ответственным личностям активнее способствовать интенсификации союза с Германией.

Несмотря на настроения общественности, позиция официальных властей оставалась весьма сдержанной. Новый министр иностранных дел Австро-Венгрии Буриан в январе 1915 г. дал отрицательный ответ на осторожный запрос германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега по поводу Срединной Европы. Казалось, эта тема вовсе уйдет из повестки двусторонних отношений. Дополнительные осложнения создавала угроза вступления в войну Италии и все более настойчивые требования Берлина найти взаимопонимание с Римом. Буриан, известный своей несговорчивостью, австрийский премьер Штюргк и его венгерский коллега Тиса на этом этапе не без успеха противодействовали любым попыткам вмешательства в определение политической стратегии Дунайской монархии извне. Все трое создали единый фронт обороны против пропаганды Срединной Европы и демонстрировали в этом полное единство со своим монархом, который видел в Срединной Европе ограничение собственного суверенитета. Возрастающее давление со стороны Германии, прежде всего по вопросу о компенсациях Италии, проблемам военной стратегии и отношениях с Румынией, вызывало серьезное недовольство австрийской стороны. В условиях роста межсоюзнических противоречий перспективы Срединной Европы казались совершенно неясными.

Экономические отношения с Германией стали темой совместного заседания совета министров монархии 18 июня 1915 г. Министр финансов Э. фон Кербер доказывал необходимость кооперации с Германией экономическими потребностями: сохранением обширно-

го немецкого рынка сбыта сельхозпродукции и устранением австро-германской конкуренции на рынках третьих стран. На первом месте, однако, стояла потребность в немецких кредитах. Как раз в это время происходили переговоры о втором военном займе. Тиса при этом высказывал опасение, как бы действия Германии не привели Австро-Венгрию к финансовой и экономической зависимости. Кербер в ответ утверждал, что финансовая поддержка – это часть союзного долга, которую Германия еще не выполнила. Буриан доказывал «право» на денежное содействие, которое соответствовало также немецким интересам. Но эти выступления не смогли перевесить осознание растущей зависимости от немецкой экономической мощи. Тесный экономический союз угрожал не только разрушительными последствиями для домашней индустрии, но и окончательно вынуждал бы Австро-Венгрию смириться с ролью зависимого младшего партнера. Тиса резко выступал против каждого слишком далеко идущего соглашения: «Не только Германия стала бы сильнее, любой третий партнер мог бы играть на наших разногласиях. Таможенный союз или что-то подобное означал бы не только экономическую зависимость от Германии, но и поставил бы под вопрос наше положение как великой державы» [цит. по: *Ibid.*, S. 111].

Был необходим поиск среднего пути, на котором возможно было сохранить Германию как экономического союзника в ходе войны и одновременно обеспечить собственную независимость. Для этого казались подходящими только незначительные уступки очевидному немецкому желанию тесного единения. Кроме того, Срединная Европа должна была оставаться лозунгом, под которым удобно было выговаривать свою долю при возможном распределении аннексированных территорий. В то же время та симпатия к идее Срединной Европы, которую демонстрировали немцы Австрии, могла подорвать позиции Австро-Венгрии на переговорах с Германией. Тиса настоятельно просил Штюргка «употребить все свое влияние, чтобы не поднести таможенный союз Германии как на тарелочке» [*Ibid.*, S. 112]. Необходимо было пресекать публичные высказывания высших чиновников в пользу союза. Подразумевался, прежде всего, энергичный немецкий националист, руководитель отдела в Министерстве торговли Ридль, чья живая поддержка Срединной Европы вступала в противоречие с его ответственной государственной должностью. Штюргк обосновывал необходимость умеренной позиции по отношению к движению сторонников Срединной Европы и констатировал спад их агитации. Поэтому, с его точки зрения, дополнительные мероприятия не требова-

лись и могли даже навредить. Тем не менее, государственным служащим запрещались заявления и действия за Срединную Европу.

Несколько позже Тиса вновь обратился к Штюргку и Буриану с призывом к противодействию продолжающейся активной агитации в пользу Срединной Европы. Австрийский премьер-министр 20 июля 1915 г. в близкой правительству газете *Fremdenblatt* напомнил, что обсуждение экономического сближения представляется преждевременным [Fremdenblatt. 1915. 20. Juli]. Публичное выступление главы правительства возымело эффект. Австрийская делегация отказалась от участия в намеченной на 23–24 июля в Берлине общей конференции центрально-европейских экономических союзов. Штюргк, кроме того, вероятно сначала информировал председателя австрийского союза Э. фон Пленера о нежелательности поездки в Берлин. Тот в ответ демонстративно сложил с себя полномочия, но тут же был единогласно переизбран. Очевидно, премьер-министр решил, что со статьей во *Fremdenblatt* он перегнул палку, и начал отступление. Штюргк, вероятно, вынужден был продемонстрировать кратковременное ужесточение своей позиции по отношению к Срединной Европе только под давлением Тисы. Это подтверждается также тем, что министр иностранных дел Буриан не был заранее проинформирован о публикации. Тем не менее, статья во *Fremdenblatt* и отказ принять резолюцию австро-германского экономического союза в поддержку Срединной Европы сделали и без того не слишком популярного премьер-министра главным врагом в глазах немецких националистов. Все это вкупе с политическими амбициями его противников вело к попытке сместить Штюргка, хотя он и пользовался полным доверием монарха. Для реализации своего замысла в конце июля 1915 г. Марше, Бернрайтер и Г. Фридьонг пытались найти поддержку у армейского командования, но, когда стало ясно, что главнокомандующий эрцгерцог Фридрих и начальник генерального штаба К. фон Хетцендорф не окажут содействия, от реализации замысла пришлось отказаться.

Австро-германский экономический союз весьма хладнокровно отреагировал на активность Штюргка. В принятой на общем собрании союза 4 августа 1915 г. резолюции с явным намеком на статью во *Fremdenblatt* утверждалось, что дискуссия ничуть не преждевременна, а экономические круги настойчиво приглашались к участию в ней. Собрание отказалось поддержать решения берлинской конференции центрально-европейских экономических союзов, «так как они не гарантируют единство торговой политики обеих империй по отношению к третьим странам и не создают предпосылок для будущего

объединения двух больших экономических пространств» [Schultheß' Europäischer Geschichtskalender, S. 674]. Становился ясен курс на конфронтацию с политикой правительства, которое из-за оппозиции немецких национал-либералов испытывало все большие трудности.

Однако во второй половине 1915 г. позиция австрийских властей претерпела существенные изменения. Политика, направленная против планов Срединной Европы в собственной стране, ухудшала отношения с Германией. Кроме того, ожидаемый эффект так и не был достигнут: открытое выступление Штюргка не помогло поставить дискуссию под контроль, но только породило ему новых врагов. На фоне больших успехов Центральных держав на Восточном фронте Штюргк решился на определенный поворот в политике по отношению к Срединной Европе. Во *Fremdenblatt* от 22 августа 1915 г. появилась статья «Размышления об экономическом сближении Австро-Венгерской монархии и Германской империи» за подписью немецкого депутата-прогрессиста Ш. Лихта [Fremdenblatt. 1915. 22. August]. В ней говорилось, что прежние «фантастические планы», против которых выступала газета, приобрели теперь характер «реалистичного планирования». Статья заканчивалась воззванием к «наибольшему сближению» с Германией – отчетливый знак, что правительство отказывалось от своей прежней жесткой позиции. После прежних военных поражений и больших разногласий с Берлином вторая половина 1915 г. была отмечена ростом оптимизма и не случайно стала временем расцвета движения за Срединную Европу.

С продолжением войны неуклонно возрастал экономический интерес правительства к Срединной Европе. Восстановление экономики после войны было возможно только в тесной кооперации с Германией. Также неизбежным казался отказ от той торговой политики, которая принесла только резко возрастающий дефицит внешней торговли Австрии. Продолжение неуступчивой политики отягощало отношения с могучим союзником, от которого монархия все больше зависела в ведении и финансировании войны, и могло привести основную опору властей – австрийских немцев в устойчивую оппозицию правительству.

На 24 августа 1915 г. Штюргк созвал совещание ключевых министров ответственных полей деятельности, чтобы обсудить вопрос о сближении с Германией. Наряду с премьер-министром в нем приняли участие министры торговли Шустер, финансов Энгель, земледелия Зенкер и путей сообщения Форстер. В основу обсуждения был положен меморандум Министерства торговли, разработанный совместно Ридлем и Шюллером. Основной внешнеэкономической пробле-

мой авторы меморандума называли пассивный торговый баланс, который отягощался текущими торговыми договорами. Решение нужно было искать в торгово-политическом союзе с Германией, чтобы укрепить свои позиции на этом самом важном для Австро-Венгрии рынке и вместе добиваться преимуществ в торговле с третьими странами.

Решающей предпосылкой был ход войны, настолько успешный, чтобы проект Срединной Европы вошел в повестку последующих мирных переговоров. Для этого, однако, заранее было необходимо согласовать все вопросы с Венгрией и Германией. Соответственно Ридль и Шюллер призывали начать консультации как можно скорее: «Существует опасность, что мы будем не подготовлены в решающий момент и таким образом вынудим Германию идти своим собственным путем. Чтобы не допустить этого, необходимо уже сейчас согласовать торгово-политические вопросы мирных переговоров с Венгрией и Министерством иностранных дел, чтобы найти решение прежде, чем начнутся консультации с немецким правительством» [цит. по: Müller, S. 127]. На основе этих соображений министр торговли Шустер представил совещанию 24 августа перечень условий, которых следовало добиваться на предстоящих переговорах: «1. Особые, не подпадающие под общий режим наибольшего благоприятствования льготные условия взаимного торгового оборота. 2. Совместное и согласованное ведение торгово-политических переговоров с третьими государствами. 3. Распространение этих более тесных отношений на другие, в частности, на балканские государства» [Ibid., S. 127–128].

Министерство финансов также высказывалось за сближение и не видело в сфере своей ответственности никаких препятствий. Наоборот: «Финансово-политически и валютно-политически было бы очень выгодно для нас быть связанными с Германией теснее, чем до сих пор. Это имело бы особую важность также для нашей валюты, упорядочение и восстановление которой могло бы проводиться в связи с состоянием денежной системы Германии и в более тесном присоединении к немецкой экономике» [Ibid.]. Ущерб от сокращения пошлин надеялись компенсировать увеличением торгового оборота с Германией. Тем не менее, таможенный союз был исключительно скачком в неизвестность. Против таможенного союза выступил министр земледелия Зенкер. Министр путей сообщения Форстер высказывался, наконец, за сближение на основе принятия новых единых тарифов независимо от того, состоится ли таможенный союз.

На совещании звучали опасения за перспективы состояния собственной промышленности под давлением немецкой конкуренции, но

министры выражали надежду, что Германия сможет переориентировать импорт своей промышленной продукции на рынки третьих стран, особенно балканских. Вопреки единогласной поддержке министрами торгово-политической опоры на Германию формулировки итоговых документов совещания оставались сдержанными, так как его участники сознавали возможность сопротивления и открытых конфликтов. Было решено учредить комитет из министерских референтов, который в дальнейшем так и не предпринял никаких заметных действий. Совещание министров достаточно четко обозначило позиции австрийского руководства, в том числе и по отношению к Венгрии, но так и не решилось на конкретные политические инициативы, в полном соответствии с осторожно-пассивной политикой графа Штюргка.

В ноябре 1915 г. вышла в свет небольшая книга известного немецкого либерального политика Ф. Наумана «Срединная Европа». Она сразу стала политическим бестселлером в Германии, где за первые полгода разошлась тиражом около ста тысяч экземпляров. Кроме того, книга еще во время войны стала доступна за рубежом – она была переведена на английский, венгерский, французский, шведский, итальянский, русский языки.

Австрийские официальные лица в отношении книги высказывались весьма сдержанно, так как в ней выразительно подчеркивалась ведущая роль Германской империи и пропагандировалось тесное единство, ограничивающее собственный суверенитет Дунайской монархии. Венгры были настроены еще более негативно. Бернрайтер отмечал в дневнике: «Недавно на званом обеде у Гогенлоэ Тиса охарактеризовал книгу Наумана как “подслащенное предложение стать вассальным государством”. Похожие речи звучат в Министерстве иностранных дел» [цит. по: *Ibid.*, S. 153].

Вскоре после публикации «Срединной Европы» Науман отправился в поездку по территории Австро-Венгрии для пропаганды своей концепции. Он выступал с докладами и встречался с руководителями немецкого национального движения [Redlich, Bd. 2, S. 71, 73]. Также он стремился завязать контакты с чехами, поскольку осознавал значение австрийских славян в деле осуществления своей идеи. В размышлениях Наумана славянские народы монархии Габсбургов занимали большее место, чем преобладающая часть австрийских немцев, со стороны которых вряд ли можно было ожидать стремления к началу межнационального диалога. При этом реакция чехов на планы Срединной Европы не была однозначно отрицательной, даже если Науман в этом вопросе проявлял слишком большой оптимизм [Mitrović,

S. 59]. В частности, значительный интерес к этим идеям проявлял руководитель чешских социал-демократов Б. Шмерал. Науман не раз, но безрезультатно пытался организовать встречу Шмерала с официальными лицами, чтобы таким образом продемонстрировать признание чешских интересов с немецкой стороны [Kořalka, S. 33]. Также безуспешными остались попытки дать Шмералу возможность опубликовать статьи с изложением его взглядов на Среднюю Европу в либеральной прессе – *Frankfurter Zeitung* и *Berliner Tageblatt* [Theiner, S. 241; Neuss, S. 346]. В январе 1916 г. Науман встретился в Праге с рядом чешских политиков – сторонников реформ, но, тем не менее, беседы с ними не дали ощутимых результатов. Наоборот, чехи из опыта этих контактов поняли, что либеральные немецкие приверженцы Средней Европы вряд ли чем-то смогут им помочь в деле обеспечения национальных интересов. Позднее один из таких политиков – младочех З. Тоболка писал: «После встречи с Науманом в 1916 г. чешские политики навсегда отбросили мысль влиять с помощью имперских немцев на цислейтанских немцев для защиты чешских интересов» [цит. по: Kořalka, S. 36].

В ходе немногочисленных контактов с австрийскими немцами чехи демонстрировали принципиальную готовность принять проект Средней Европы, но прежде всего, хотели бы видеть исполненными свои национально-политические требования. Достичь согласия с движением сторонников Средней Европы, которых отличали сильный немецкий национализм и отчасти антиславянская направленность, было практически невозможно. В целом, шансы на поддержку идеи со стороны чехов или других славянских народов Дунайской монархии оставались весьма незначительными, в том числе и по экономическим мотивам. Среди чешских политических партий только аграрии, и то с оговорками, выступали за более тесное экономическое сотрудничество с Германией. Богемская индустрия демонстрировала открытую неприязнь к сближению, прежде всего потому, что видела в соседях прямых конкурентов. В резолюции от 5 февраля 1916 г. Пражская торговая палата высказалась против средневропейского таможенного союза в любой форме, но, тем не менее, ходатайствовала за подписание улучшенного торгового договора со специальными тарифами. Венская торговая палата решительно опротестовала такое решение, даже не предприняв попытки обсуждения вопроса.

Самая известная, и вероятно самая влиятельная, австрийская программа Средней Европы вышла из-под пера историка Г. Фридьонга. Сам Фридьонг представлял собой типичный пример публичного

участника спора о Срединной Европе, который действовал без официального заказа, часто без какой-либо связи с правительственными кругами и при этом часто был склонен чересчур высоко оценивать значение собственной миссии.

Фридьонг был одним из старейших приверженцев Срединной Европы в Австрии [см.: Zailer]. Еще в 1880 г. он написал проект программы для Немецкой народной партии, в котором уже значилось требование средневропейского экономического союза [Müller, S. 156]. Он был хорошо знаком с прежними концепциями Срединной Европы и оставался верным сторонником этой идеи. Неудивительно, что и во время мировой войны он принял активное участие в обсуждении проблемы в кругу, который был тесно связан с группами Штайнакера, Марше и Бернрайтера. В него входили люди, отмеченные одновременно националистическими и социал-реформистскими взглядами, не обладавшие сколько-нибудь значительным политическим весом [Sweet, S. 185]. Согласно воспоминаниям Э. Штайнакера, участниками дискуссий кроме него самого были его сын Г. Штайнакер, бывший министр юстиции фон Шенк, О. Ридль, П. Самасса и О. Лехер [Steinacker, S. 234]. Результатом обсуждений стала «Записка из немецкой Австрии». Наряду с Фридьонгом в самой записке ее авторами названы Е. фон Филиппович, М. Хайниш и Г. Юберсбергер.

Фридьонг внес львиную долю в подготовку текста и взял на себя его конечную правку [Ibid., S. 255]. Записка оставалась неопубликованной и распространялась исключительно в частном порядке, чтобы избежать проблем с цензурой, тем более что предназначалась она не широкой общественности, а лицам с политическим влиянием. Письма с текстом записки были отправлены двум сотням людей с просьбой передать ее дальше. Написанная в весьма эмоциональном стиле, записка демонстративно была направлена на защиту немецкой гегемонии в Австро-Венгрии. При этом Фридьонг с легкостью обходил неизбежные преграды и даже предложил процедуру, которая должна была соответствовать величию обоих императорских величеств: проявить инициативу и предложить обоим кайзерам вступить в средневропейский союз должен был король Баварии, как предлагал автор в письме баварскому премьер-министру. Исходя из предположения, что изоляция Центральных держав продолжится и после войны, предлагалось создать средневропейский таможенный союз первоначально сроком действия на двадцать пять лет. С большим пафосом автор выступал за введение общих внешних таможенных пошлин, поначалу остающиеся промежуточные пошлины необходимо было резко сократить и

со временем совсем упразднить. При сохранении своего суверенитета обе империи более тесно должны были укрепить союз в политической и военной области, причем Германии доставалась руководящая роль.

Вполне в духе эпохи империализма проект Срединной Европы Фридьонга охватывал территории от побережья Бельгии до Персидского залива. Записка имела явную антиславянскую направленность. Все славяне габсбургской империи целиком обвинялись в государственной измене в условиях продолжавшейся войны. Радикализм взглядов Фридьонга давал много поводов для критики. Его построения были слишком просты, чтобы выдержать серьезное аналитическое рассмотрение, как критически замечал Бернрайтер. Подчиненное положение, которое автор отводил полякам в Цислейтании, было так же проблематично осуществить, как и запланированную военную диктатуру в Сербии. Тем не менее, в Австрии преобладала положительная реакция на записку. Об этом свидетельствует большое число полученных Фридьонгом писем, которые часто сопровождалась просьбой выслать дополнительные экземпляры текста для дальнейшего распространения. В поддержку плана Фридьонга выступали даже те, кто в остальном придерживался более умеренных взглядов, как Э. Плениер и Г. Марше. Даже Ф. Науман дал националистическому проекту исключительно положительную оценку.

Кроме влияния на умы собственных земляков, Фридьонг стремился настроить имперских немцев в поддержку их сородичей в Австрии, чтобы тем самым получить их содействие в борьбе национальностей. Он требовал, чтобы германское правительство оказывало влияние на внутренние дела в Австро-Венгрии и проявляло инициативу в вопросе Срединной Европы, чтобы вынуждать Вену действовать таким же образом. В сопроводительных письмах ведущим германским деятелям он повторял эти призывы снова и снова. Так, 21 октября 1915 г. он писал генерал-фельдмаршалу Макензену: «Теперь из-за преград, которые кроются в дуалистической форме монархии, вероятно, чтобы подходящие предложения шли из Вены в Берлин. Необходимо, чтобы германское имперское правительство проявило инициативу для осуществления проектов, которые так же важны для Дунайской монархии, как и для ее союзника» [цит. по: Müller, S. 162]. Как свидетельствуют ответные письма, полученные осенью 1915 г. от Бетман-Гольвега, Людендорфа, Макензена и Фалькенгайна, реакция ответственных лиц Германской империи была вполне положительной.

После появления записки Фридьонг стал в глазах многих имперских немцев «образцовым представителем немцев Австрии» [Redlich,

Vd. 2, S. 68]. На этом фоне он получил приглашение Бетман-Гольвега прибыть в Берлин для переговоров с германским руководством. Для рейхсканцлера австрийский историк был индикатором общественного мнения немецкоязычной Австрии. Во время пребывания в Берлине в начале ноября Фридьонг имел короткую беседу с канцлером, кроме того вел переговоры с вице-канцлером К. Дельбрюком, статс-секретарем ведомства иностранных дел Г. Яговым, статс-секретарем внутренних дел К. Хельферихом и другими представителями рейха. В целом Бетман-Гольвег не выказывал особого оптимизма по поводу осуществления перспектив Срединной Европы. Его скепсис был связан с ожидаемым упорным сопротивлением венгров, особенно Тисы, который имел значительное влияние на Франца-Иосифа. Фридьонг по мере сил старался парировать канцлера и представлял перечисленные тем трудности как преодолимые или несущественные. Хотя Фридьонг в конечном счете выразил неудовлетворенность ходом беседы, он все же достиг цели: Бетман-Гольвег был воодушевлен настолько, чтобы проявить инициативу по реализации проекта сближения двух монархий.

В течение лета 1915 г. возобновило свою активность по вопросу сближения двух монархий руководство Немецкого национального союза во главе с Г. Гроссом, который стремился использовать для ускорения процесса политическое влияние депутатов – представителей родственных партий из Германии и Австрии. На основе предварительной договоренности 7 июля 1915 г. в Мюнхене состоялась встреча двенадцати членов германского рейхстага и одиннадцати немецко-австрийских депутатов. Организатором мероприятия с австрийской стороны стал Й. Доберниг. Главным инициатором от немецких парламентариев – либералов и свободных консерваторов – был Э. Мюллер-Майнинген. Активную роль играли также Ф. Науман и Ф. Пайер, который председательствовал на встрече. С австрийской стороны наряду с Г. Гроссом во встрече также принимал участие председатель австрийской палаты депутатов Ю. Сильвестер. Представители Австрии прибыли в Мюнхен безо всяких предварительных согласований со своими официальными инстанциями, в то время как имперские немцы, по меньшей мере, «действовали в контакте с руководством Министерства иностранных дел и рейхсканцлером» [Paueg, S. 261].

Встреча продемонстрировала единство мнений по поводу необходимости создания центрально-европейской общности. Однако представления и намерения австрийцев простирались куда дальше их немецких коллег. Предложение Гросса вписать пункт о союзе в тексты

конституций обоих государств было отклонено представителями Германии. Они были осторожнее чересчур уверенных австрийцев и обращали больше внимания на трудно решаемые валютно-финансовые проблемы, а также неуступчивую позицию венгров по отношению к Срединной Европе. В результате не было принято никакой резолюции. Участники договорились лишь о следующих переговорах и создали комитет для исследования вопроса о более тесном сотрудничестве обеих империй. Комитет, впрочем, не оставил никаких следов своей деятельности. Результатом встречи, таким образом, стала лишь демонстрация общего стремления к тесной связи.

Новая встреча состоялась 13–14 ноября 1915 г. в Зальцбурге. Участники снова демонстрировали полное согласие по поводу цели, но не по поводу средств ее достижения. Было решено создать новый комитет для подготовки совместного согласованного заявления. Оно было принято 1 декабря в Берлине и в частности гласило: «При соблюдении самостоятельности обеих империй необходимо немедленное заключение соглашений, которые приведут политические, военные и экономические отношения в соответствие с идеей единства» [цит. по: Molisch, S. 388]. В рамках этого нового динамичного союза должны были появиться общие административные органы, проводиться регулярные встречи ведущих государственных деятелей с периодическим привлечением парламентариев. Эта далеко идущая программа была утверждена во время новой встречи депутатов в феврале 1916 г. и, с незначительными изменениями, на последней подобной встрече 23–24 сентября того же года.

Гораздо важнее согласования позиций с депутатами германского рейхстага оставался поиск широкого согласия среди немцев Дунайской монархии. Предпосылки для этого были благоприятными, так как подъем национальных чувств захватил даже христианско-социальную имперскую партию, которая выразила согласие сотрудничать с национальным союзом в области внутривнутриполитических и внешнеполитических военных целей. В течение летних месяцев 1915 г. на основе проекта Национального союза велись переговоры об общей программе. В результате переговоров 7 сентября появился совместный документ «Политические установки партий немецких граждан Австрии» – перечень из десяти пунктов, который содержал очень осторожную программу Срединной Европы. Обе группировки требовали «а) более тесного экономического соединения Австро-Венгрии и Германской империи; в соответствии с потребностями экономического развития стремиться к постепенному оформлению таможенного и торго-

вого союза; б) заключать совместные торговые договоры с третьими государствами и обеспечивать соответствующие рынки сбыта» [цит. по: Meier, S. 32]. От христианско-социального объединения немецких депутатов в австрийском парламенте документ подписал председатель фракции В. фон Фукс, от Немецкого национального союза – Г. Гросс. Кроме того, за руководство христианско-социальной партии текст подписал бургомистр Вены Р. Вайскирхнер, видный сторонник Срединной Европы в рядах своей партии.

Программа оставалась неизвестной широкой публике, особенно лояльная правительству христианско-социальная партия не была готова форсировать общественное давление. Однако в пересланной национальному союзу 11 ноября 1915 г. программе «Основы будущего устройства Австро-Венгрии и положения немецкого народа в этом государстве» партия вновь признала свою ответственность за общую цель совершенствования существующих союзных отношений [Müller, S. 182–183].

На съезде христианско-социальной партии в декабре делегаты приветствовали стремление к длительному экономическому союзу при соблюдении интересов собственной индустрии. Так как правительство было не готово сотрудничать с партиями, христианские социалисты заявили, что достигли предела лояльности кабинету Штюргка и высказались за развитие сотрудничества с национальным союзом. Все же гражданский мир между христианскими социалистами и немецкими националистами впоследствии оказался весьма хрупким из-за разногласий по внутривополитическим вопросам. В целом программа торгово-политического сближения встретила широкое одобрение в рядах христианских социалистов, но все же они проявляли очевидную настроенность в отношении прусско-протестантского духа, господствовавшего в соседнем государстве. В конечном счете, христианско-социальная партия, за исключением немногих представителей ее национального крыла – таких как Р. Вайскирхнер или А. Гюртлер, в отношении Срединной Европы вела крайне сдержанную политику.

Немецкий национальный союз стремился также установить контакты с социал-демократами. Однако проведенные осенью 1915 г. переговоры закончились безрезультатно. Обе партии были слишком далеки друг от друга, чтобы пойти на серьезное сотрудничество. Срединная Европа не была центральной темой для рабочего движения, хотя широкие социал-демократические круги, традиционно распложенные к поддержке свободной торговли, в принципе не отклоняли эту идею. Главным сторонником идеи Срединной Европы в партии был К. Рен-

нер, который считал возможным противопоставить ее идеологии национализма и национального государства. Представления Реннера и его приверженцев о Срединной Европе коренным образом отличались от немецко-национальных проектов своим демократическим содержанием. Тем не менее, имевшие место среди социал-демократов симпатии к этому проекту показывали, что в случае победоносного завершения войны они также могут подать свои голоса в пользу срединно-европейского союза.

Концепция Срединной Европы не стала для социал-демократии предметом внутривнутрипартийной дискуссии. Интерес к ней оставался делом отдельных представителей партии. Тема была слишком близка враждебной социал-демократам идеологии немецкого национализма и никак не была связана с социал-реформистской перспективой. Имперская конференция австрийских социал-демократов в марте 1916 г. высказалась в поддержку таможенного и торгового союза, поскольку он соответствовал принципу свободной торговли, но стремление использовать сближение для реализации националистических интересов отвергалось как проявление империализма. В этом отношении никакой основы для совместных действий с немецкими националистами не существовало, вскоре проблема Срединной Европы в рядах социал-демократии была вовсе вытеснена вопросами мирного урегулирования и имперской реформы.

Идея «Срединной Европы» приобрела самостоятельное значение и стала заметным фактором общественно-политической жизни Австро-Венгрии в начале Первой мировой войны. Ее актуализация была связана, прежде всего, с надеждами на успешное преодоление комплекса внутривнутриполитических проблем и национальных противоречий, решающую модернизацию одряхлевшего государственного строя Дунайской монархии за счет опоры на мощь союзника – Германской империи и победного завершения войны. Однако противоречивый характер самой концепции, которая сочетала такие разнородные и прямо противоположные элементы, как наднациональность и пангерманизм, федерализм и великодержавность, динамизм экономического развития при консервации структур авторитарного государства, вызывал естественную настороженность в отношении к ней со стороны официальных властей, национальных элит и политических движений. В такой ситуации все попытки главных протагонистов идеи – представителей немецкого умеренно-либерального движения в Австрии – воплотить ее в жизнь во второй половине 1914 – 1915 г. не дали результата. Самый подходящий момент, когда стратегическая инициатива находи-

лась в руках Центральных держав, а исход войны казался вполне благоприятным, был упущен. После Вердена и Соммы вместе с надеждами на скорую и решительную победу иссякла и перспектива создания Срединной Европы.

Andrassy J. Diplomatie und Weltkrieg. Berlin; Wien, 1920.

Arndt E. M. Geist der Zeit. 4. Teil. Leipzig, 1818.

Bachmann H. Josef Maria Baernreither (1845–1925): der Werdegang eines altösterreichischen Ministers und Sozialpolitikers. Neustadt a. d. A., 1977.

Bridge F. R. Österreich(-Ungarn) unter den Großmächten // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 6. Teilband 1 / Hrsg. v. A. Wandruszka, P. Urbanitsch. Wien, 1989. S. 196–373.

Class H. Wider den Strom: vom Werden und Wachsen der Opposition im Alten Reich. Leipzig, 1932.

Diószegi I. Die Reaktion Ungarns auf die deutschen Mitteleuropa-Konzeptionen // Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Hrsg. v. R. G. Plaschka. Wien, 1995. S. 63–66.

Fischer F. Krieg der Illusionen: die deutsche Politik 1911–1914. Düsseldorf, 1969.

Fremdenblatt. 1915.

Heuss T. Friedrich Naumann: der Mann, das Werk, die Zeit. München, 1968.

Höbelt L. Die Deutschfreiheitlichen Österreichs: bürgerliche Politik unter den Bedingungen eines katholischen Vielvölkerstaates // Liberalismus im 19. Jahrhundert: Deutschland im europäischen Vergleich / Hrsg. v. D. Langewiesche. Göttingen, 1988. S. 193–210.

Höbelt L. Kornblume und Kaiseradler: die deutschfreiheitlichen Parteien Altösterreichs 1882–1918. Wien; München, 1993.

Hobsbawm E. Mitteleuropa, Politik und Kultur: Heimweh nach Kakanien und die vergessene Gegenwart // Wiener Tagebuch. 1989. № 11. S. 17–19.

Kann R. Das Nationalitätenproblem der Habsburgermonarchie: Geschichte und Ideengehalt der nationalen Bestrebungen vom Vormärz bis zur Auflösung des Reiches im Jahre 1918. Bd. 1. Graz; Köln, 1964.

Kořalka J. Anpassung oder Widerstand? Zu den tschechischen Reaktionen auf die deutsche Mitteleuropaidee vor und nach dem Jahre 1914 // Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Hrsg. v. R. G. Plaschka. Wien, 1995. S. 25–38.

Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939. Wiesbaden, 1954.

Le Rider J. Mitteleuropa: auf den Spuren eines Begriffe. Wien, 1994.

Meier H. Die österreichischen Christlichsozialen während des Ersten Weltkrieges. Wien, 1966.

Meyer H. C. Mitteleuropa in German Thought and Action, 1815–1945. Den Haag, 1955.

Mitrović A. Die Zentralmächte, Mitteleuropa und der Balkan: Ideen und ihre Verwirklichung während des Weltkrieges 1914–1918 // Mitteleuropa-Konzeptionen

in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Hrsg. v. R. G. Plaschka. Wien, 1995. S. 39–62.

Molisch P. Briefe zur deutschen Politik in Österreich 1848 bis 1918. Wien; Leipzig, 1934.

Mommsen W. Der Geist von 1914: das Programm eines politischen „Sonderwegs“ der Deutschen // Nation und Geschichte: über die Deutschen und die deutsche Frage / Hrsg. v. W. J. Mommsen. München, Zürich, 1990. S. 13–30.

Mommsen W. Die Mitteleuropaidee und die Mitteleuropaplanungen im Deutschen Reich vor und während des Ersten Weltkrieges // Mitteleuropa-Konzeptionen in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts / Hrsg. v. R. G. Plaschka. Wien, 1995. S. 3–24.

Mommsen W. Österreich-Ungarn aus der Sicht des deutschen Kaiserreiches // Innere Staatsbildung und gesellschaftliche Modernisierung 1867/71 bis 1914 / Hrsg. v. H. Rumpier. Wien; München, 1991. S. 205–220.

Müller A. Zwischen Annäherung und Abgrenzung: Österreich-Ungarn und die Diskussion um Mitteleuropa im Ersten Weltkrieg. Marburg, 2001.

Partsch J. Mitteleuropa: die Länder und Völker von den Westalpen und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904.

Payer F. Von Bethmann Hollweg bis Ebert: Erinnerungen und Bilder. Frankfurt, 1923.

Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien, 1993.

Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs: das politische Tagebuch Josef Redlichs / Hrsg. v. F. Fellner. Graz; Köln, 1953.

Rosar W. Deutsche Gemeinschaft. Seyß-Inquart und der Anschluss. Wien; Fr. a. M., 1971.

Schödl G. Alldeutscher Verband und deutsche Minderheitenpolitik in Ungarn 1890–1940. Fr. a. M., 1978.

Schultheß' Europäischer Geschichtskalender. Bd. 56. München, 1915.

Schultz H.-D. Deutschlands „natürliche Grenzen“: „Mittellage“ und „Mitteleuropa“ im Diskurs der Geographen seit Beginn des 19. Jahrhunderts // Geschichte und Gesellschaft. 1989. № 15. H. 2. S. 248–281.

Shanafelt G. W. The Secret Enemy: Austria-Hungary and the German Alliance, 1914–1918. N. Y., 1985.

Steinacker E. Lebenserinnerungen. München, 1937.

Sweet P. Germany, Austria-Hungary and Mitteleuropa: August 1915 – April 1916 // Fests. f. Heinrich Benedikt / Hrsg. v. H. Hantsch, A. Novotny. Wien, 1957. S. 180–212.

Szterényi J. Die wirtschaftliche Vereinigung mit Deutschland. Warnsdorf, 1915.

Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminische Deutschland (1860–1919). Baden-Baden, 1983.

Uckar K. Demokratie und Wahlrecht in Österreich. Wien, 1985.

Verhandlungen des Reichstags. Stenographische Berichte. 13. Legislaturperiode. 1. Session. Bd. 292. Berlin, 1914.

Weimer C. Mitteleuropa als politisches Ordnungskonzept? Darstellung und Analyse der historischen Ideen und Pläne sowie der aktuellen Diskussionsmodelle. Würzburg, 1992.

Weitowitz R. Deutsche Politik und Handelspolitik unter Reichskanzler Leo von Caprivi 1890–1894. Düsseldorf, 1978.

Zailer E. Heinrich Friedjung unter besonderer Berücksichtigung seiner politischen Entwicklungen. Wien, 1949.

Баранов Николай Николаевич

доктор исторических наук, заведующий кафедрой новой и новейшей истории

Уральский федеральный университет

620000 Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: baranov61@mail.ru

Baranov, Nikolai Nikolayevich

Dr. hab. (History), Head of the Modern and Contemporary History Department

Ural Federal University

51 Lenin Ave., 620000

Ekaterinburg, Russia

E-mail: baranov61@mail.ru

**MITTELEUROPA: DISCUSSION ABOUT THE FUTURE
OF THE DANUBIAN MONARCHY
DURING THE INITIAL PERIOD OF THE WORLD WAR I
(1914–5)**

The beginning of the World War I attached great urgency to the creation of *Mitteleuropa*, that is, a combination of states and nations based on the union of Germany and Austria-Hungary. The article analyses the attitude of the members of authorities, national elites and political movements of the Dual Monarchy to the idea of *Mitteleuropa*. The article concludes that, in spite of the popularity of the idea with different social and political circles, the watchful attitude to it prevailed due to the dynastic, national, economical and other interests.

Keywords: Austria-Hungary, Germany, the World War I, *Mitteleuropa*, German National Association, Andrassy Gyula, Gustav Groß, Tisza István, Heinrich Friedjung, Bohumír Šmeral, Karl von Stürgkh.